

ЕВГЕНИЙ МАНСУРОВ

ПИРАМИДА НЕ-ТВОРЧЕСТВА

ВНЕВРЕМЕННАЯ
РОДОСЛОВНАЯ ТАЛАНТА
ТОМ 1

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2020

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 23

*Автор выражает благодарность Ольге Максимэн
и Елене Кувшиновой за помощь в подготовке книги к изданию.*

Мансуров Е.А.

М 23 Пирамида не-творчества. Вневременная родословная таланта. Книга в 2-х томах. Том 1. / Е.А. Мансуров. – М.: Родина, 2020. – 640 с.

ISBN 978-5-907332-75-1

В книге рассматривается «вечная» тема: художник-творец и общество, трагедия взаимного непонимания и отчуждения – те способы и методы ведения борьбы, с помощью которых «общество большинства» делает все возможное, чтобы исследователь с даром нездешним остановился, придавленный обстоятельствами, и замолчал навсегда. Это именно вневременная родословная таланта, ибо мы имеем дело с «Пирамидой не-творчества» («26 ступенек вниз»), действующей с незапамятных времен и по настоящий день.

Ранее по теме «психология творчества» автором написаны книги: «Психология творчества. Вневременная родословная таланта» (М., 2014) и «Благословение и проклятие инстинкта творчества» (М., 2015).

**УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-907332-75-1

© Мансуров Е.А., 2020
© ООО «Издательство Родина»,
2020

*Светлой памяти легендарного французского
певца Грегори Лемаршала (1983-2007),
умершего в 23 года, человека щедрой,
доброй души, открытого для мира.*

**ОТ АВТОРА.
ТВОРЧЕСТВО КАК РЕЗУЛЬТАТ БЫТИЯ,
или Мужество творить**

У розы есть шипы. Игнорирование этой сентенции «порой опасно для жизни». И всякий раз, когда художник-творец пытается рассечь формы-ограничения этого овеществленного мира («а почему бы розе не быть без шипов?»), они, эти ограничения, как узкие врата, за которыми маячит безбрежная воля, напоминают ему о пределе допустимого. Делается внушение, что взлетать своей мыслью надобно осторожно, чтобы не познать встречную силу, напоминающую о себе болью от рези острых углов. Для того чтобы сохранить поступательное движение вперед, художнику-творцу надо сделать некое сверхусилие, где-то на полпути оставить себя прежнего, преодолеть «болевой порог» привычных мыслей и чувств.

Если минуты его творчества (провидение сквозь магический кристалл: «Я — творю!») и можно назвать **чуждыми мгновениями**, то еще важнее для него **мужество творить**.

Для того чтобы стать участником хотя бы процесса перемен («отказаться от фиксированных представлений о порядке вещей и событий» — В. Козлов, 2008 г.), мало обладать инаковостью «нездешнего» чудака. Чтобы ломать привычный уклад жизни и подхлестывать мысль о неограниченности наших возможностей, требуется мужество бескомпромиссного мечтателя, способного работать во имя будущего.

Но и этого мало. В анналы интеллектуальных достижений человечества вписаны самые стойкие, нестигаемые бойцы, которым присуще «с непоколебимой твердостью высказывать убеждения, не сходные с общепринятым мнением» (Ч.Ломброзо, 1863 г.). Бескомпромиссность же подобного рода часто ведет к жертвенному алтарю. Так, Лев Толстой (1828-1910) считал личное «отречение от самого себя» непременным условием морального торжества своих идей: «Для того чтобы быть услышанным людьми, надо говорить с Голгофы, запе-

чатлеть истину страданием, а еще лучше — смертью». Во всяком случае, сокращение сроков жизни для художника-творца весьма вероятно, ибо «общество, **о к р у ж а ю щ и е** убавляют душу», а не прибавляют» (В. Розанов). Самым же ценным качеством становится «чистота» биографии, «значительность» жизни, в ретроспективе грядущих веков (с твердой верой, что последователи будут умнее и лучше нас). А жертвы? Они не заставят себя ждать:

- «Гениальность — по существу, трагична, она не вмещается в «мире» и не принимается «миром»... В гениальности всегда есть какое-то неудачничество перед судом «мира», почти ненужность для «мира»... Творчество, раскрывающееся в гениальности, обрекает на гибель в этом мире... Поэтому гениальная жизнь есть жертвенный подвиг» (Н. Бердяев, 1947 г.);

- «Истинный поэт не может наслаждаться личным счастьем, покуда кругом разлитое море людских страданий и слез. Куда бы он ни пошел, повсюду его преследует видение Ада. Всюду он встречает юдоль обид и горестей. Повсюду натывается на «бессердечие гранита»...» (Ю. Безелянский, 2008 г.);

- «В русской культуре XX века фигура аутсайдера — не редкость... взгляд на мир как «кальвинистский», когда поэт всю тяжесть ответственности за человеческое неблагополучие принимает на себя» (С. Волков, 2011 г.).

Тяжесть ответственности сопоставима с трудностями пути. Иногда приходится примириться с неудачей карьерного роста, отказаться от мечты о житейском благополучии где-то там, на фоне «просветленного творчества». И сие — не случайно. Слишком много «барьеров» стоит на пути к познанию, слишком дорогую цену приходится иногда платить за выход на **и н у ю** грань! Попробуйте в этих условиях сохранить душевное здоровье и не забыть дорогу к чистому, незамутненному источнику творчества!

«Для совершения выдающегося научного открытия, — пишет психолог, доктор медицинских наук Леонид Гримак, — нужны такие личные качества учёного, как:

- **решительность**, чтобы не останавливаться на полпути;
- **смелость мысли**, чтобы видеть дальше и лучше своих предшественников;
- **мужество**, чтобы пойти против течения и сломать веру большинства»

(из книги «Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности», СССР, 1989 г.).

«Но самое главное, — дополняет академик Аркадий Мигдал (1911-1991), — необходимо иметь огромное мужество, чтобы поверить в свои результаты, как бы они ни расходились с общепринятыми, чтобы не испугаться собственных выводов и довести их до конца. Сколько замечательных работ было брошено неоконченными из-за недостатка смелости!» (из статьи «Заметки о психологии научного творчества», СССР, 1977 г.).

Среди высказываний выдающихся мыслителей 19-го века о природе гуманитарного творчества мы находим суждение Виссариона Белинского (1811-1848) о том, что гений «есть сильная воля, которая всё побеждает, всё преодолевает, которая не может прогнуться, не может отступить».

А если **м о ж е т**? Если лира художника-творца вдруг издаёт фальшивый звук? А если она замолчит, вдруг не услышав «музыку стиха»?

«Здесь играет роль не только недостаточный уровень развития соответствующих способностей, — полагает доктор педагогических наук В.Петрушин, — но и некоторые личностные качества человека». Он же анализирует недостатки личности, мешающие «войти в творческий процесс»:

- склонность к конформизму, которая выражается в бессознательном стремлении быть похожим на других людей или в стремлении подладиться под существующие социальные ожидания;

- страх оказаться «белой вороной» и боязнь показаться окружающим глупым и смешным в своих суждениях;

- боязнь показаться слишком экстравагантным вплоть до агрессивности в неряhtии критики и мнений других людей;

- боязнь возмездия со стороны тех, чьи взгляды и позиции критикуются создателем нового;

- высокая личная тревога, которая приводит к неуверенности в своих действиях и наличию страха перед открытым высказыванием своих идей;

- страх неудачи и отсутствие желания пойти на определённый риск, без которого многие творческие достижения как в науке, так и в искусстве были бы невозможны».

(из книги В.Петрушина «Психология и педагогика художественного творчества», Россия, 2006 г.).

Вот так «просто» совершаются мировые открытия! И достаточно любого из выше отмеченных препятствий (слабости воли, робости мысли, диктата «общества большинства», зависти и козней «собратьев по перу» и т.д. и т.п.), чтобы «ужать» список величайших прозрений человечества до нескольких

строк — редчайших примеров работы «пирамиды творчества», когда художник-творец испытывает вдохновение и **входит в инсайт** (см.подробнее: Е.Мансуров «Благословение и проклятие инстинкта творчества», Россия, 2015 г.).

Поразмышлять есть над чем. Казалось бы, во все времена дерзкие смельчаки обещают открыть новые миры и низвергнуть привычное в настоящем, воспринимаемым как данность. Но еретики, посягнувшие на невозможное (изъявившие намерение взять неподъемный вес), исчисляются единицами. Их можно пересчитать по пальцам. И всегда в подавляющем большинстве остаются защитники «добрых, старых времен». Они укрепляют устои, учат правилам выживания и приспособления. Уроки дерзости мысли приходится постигать самому.

Кто он, этот избраннык, готовый бросить вызов всему и вся? Счастливчик ветреной Фортуны или пленник злого Рока? Не будем сейчас говорить о Судьбе. Жизнь проще, но трагичнее, когда все решает «мнение толпы». Когда приговор выносит признанный Авторитет, художнику-творцу порой не легче...

Ученого и поэта поразительной эрудиции Василия Тредиаковского (1703—1768) всю жизнь, как дамоклов меч, преследовали слова Петра I. Однажды царь долго смотрел на 19-летнего юношу, сильно оробевшего перед ним, и изрек: «Вечный труженик, а мастером не станет!»

Еще вопрос, кто на самом деле выводит в мастера и не имеется ли здесь некий стереотип самого ритуала посвящения. Принято благодарить учителей-наставников и указывать на класс соучеников, создающих благодатную почву для рождения гения. Но всегда ли эта почва бывает столь плодотворной?

Смешным и нелепым казался за ученической скамьей холмогорский помор Михайло Ломоносов (1711-1765). «Школьники, малые ребята, кричат и перстами указуют: смотрите-де, какой болван в лет двадцать пришел латыни учиться!» — вспоминал он о начале своей учебы в Славяно-греко-латинской академии в Москве.

«Оливер Голдсмит (1728-1774) — английский писатель-сентименталист, автор сборника социально-бытовых очерков «Гражданин мира», 1762 г. — *ЕМ.* — был абсолютно не способен корпеть над тем, что не давало пищи его воображению, и презиравший усидчивую посредственность, прослыль тупицей и нередко был предметом насмешек и издевательства» (из книги В.Черняка «Невыдуманные история из жизни знаменитых людей: От великого до смешного...», Россия, 2010 г.).

Классик английской драматургии Ричард Шеридан (1751-1816) удостоился такого свидетельства о начале своего школьного образования: «Тот, кому суждено было в 28 лет от роду

приводить всю Англию в восторг своими комедиями и красноречием своим на трибуне потрясать сердца слушателей, в 1759 году (то есть в 8-летнем возрасте) получил название самого безнадежного дурака».

В истории литературы остался отзыв профессора университета о Вальтере Скотте (1771-1832): «Он глуп и останется глупым».

«Когда Оноре де Бальзак (1799-1850) поступил в младший класс Вандомского коллежа (Франция, 1807 г.), он был толстощекий румяный мальчуган, но молчаливый и грустный... В коллеж он принес с собой тягостную настороженность, держался как затравленный зверек. Он чувствовал свою неуклюжесть, и робел... Юному Бальзаку трудно было добиться уважения у орды школьников. По милости своей предусмотрительной мамы он почти не имел карманных денег и потому не мог участвовать в общих развлечениях и покупках... Считая себя изгоем на земле, юный Бальзак ждал чудес от неба... Только сам он верил, что его ждет великое будущее. В глазах наставников и товарищей Бальзак оставался весьма заурядным учеником, примечательным разве только тем, что он буквально глотал всякую печатную страницу и отличался самомнением, которое ничем, казалось, нельзя было оправдать» (из книги А.Моруа «Прометей, или Жизнь Бальзака», Франция, 1965 г.).

Германа Гельмгольца (1821-1894), выдающегося немецкого естествоиспытателя, автора фундаментальных трудов по физике, биофизике, физиологии, психологии, некоторые учителя подозревали в клиническом слабоумии.

«Эдинбургская академия, как важно называлась школа, куда поступил учиться Джеймс Максвелл (1831-1879), была основана в 1824 году... У Максвелла в академии (обучался в 1841-1847 гг. — Е.М.) сразу же появилось прозвище — Дуралей. Он, казалось, нисколько не тяготился им, но с той памятной первой встречи со своими будущими соучениками не искал сближения с ними, предпочитая одиночество. Время от времени он с непроницаемым лицом бросал какие-то фразы, саркастические замечания, большей частью непонятные окружающим. Единственной его реакцией на шутки и поступки его одноклассников была быстрая, летучая улыбка, только ею выдавал он свою большую чувствительность. Только ею и коротким, глухим смешком...» (из книги В.Карцева «Максвелл», СССР, 1976 г.). «В восьмом классе Эмиль Золя (1840-1902) плетется в хвосте (Экс, Франция, 1852 г.), с трудом поспевая за классом (надо сказать, что во французских школах принят обратный счет классам). Едва Эмиль переступил порог колледжа, как все дружно объявили ему войну. И большие мальчики,

сплотившись, преследуют, изводят, ожесточенно нападают на него. За что? За многое. В 12 лет он всего лишь в 8 классе; хоть он, пожалуй, и не велик ростом, а все же на целую голову выше многих своих мучителей; большой да дурной, полный невежда. Обладая он по крайней мере безупречными манерами эталого благовоспитанного лодыря! Куда там! Вдобавок он еще близорук, этот олух; краснеет по пустякам, конфузится, как девочка; сразу видно, что привык держаться за маменькину юбку...» (из книги В.Черняка «Невыдуманные истории из жизни знаменитых людей: От великого до смешного...», Россия, 2010 г.). «...Ребенок от рождения был близорук и очень долго картавил, а недостатки этого рода — вечная тема для насмешек среда детей. И вот, чтобы не сделаться мишенью юного остроумия, Золя приходилось держаться особняком. Но все-таки над ним смеялись... Сближению мешал, наконец, характер Эмиля. Та богатая игра натуры, которая проявлялась у его сверстников в бурной жестикуляции, в быстрых движениях и громкой, крикливой речи (живые, болтливые южане от природы Тартаренов), у него совершалась внутри и всегда отличалась стройностью, стремлением обобщить и сделать выводы. От Эмиля всегда веяло вследствие этого холодком, невыносимым для экспансивной натуры южанина, тем более что и в своих ученических работах он любил порядок» (из очерка М.Барро «Э.Золя, его жизнь и литературная деятельность», Россия, 1895 г.).

«Живописец Александр Иванов (1806-1853) в детстве нисколько не походил на чудо-ребенка и мало выделялся своими успехами. Характера он был вялого, отличался неповоротливостью и медлительностью, которая позднее раздражала тех, кто имел с ним дело. Казалось бы, петербуржец! Это к чему-то обязывает. Но...» (из книги В.Черняка «Невыдуманные истории из жизни знаменитых людей: От великого до смешного...», Россия, 2010 г.).

Это многозначительное «но»... Идет ли речь о выходе с севера Поморья или столичном денди, который, казалось бы, должен быть законодателем мод, — всякий раз они оказывались не ко времени и не к месту! И в таких свидетельствах мы должны разглядеть будущих художников — творцов?! Увы, на их тернистом пути не было и не могло быть, периода вундеркинства. Напротив, многим современникам их способности казались ниже средних. И даже более того, они производили впечатление действительно «туповатых парней», не способных осилить даже школьную премудрость. То, что было «рассчитано на всех» казалось им каким-то бездушным конвейером по шлифовке усредненных человеко-функций. А они